

RU

Социолингвистический аспект авторской речи в художественном тексте и проблема перевода (из опыта филолога – переводчика нидерландской литературы)

Михайлова И. М.

Аннотация. Цель исследования – выявить имеющиеся в распоряжении переводчика на русский язык способы передачи маркеров, с помощью которых нидерландские авторы выстраивают социолингвистические характеристики гомодиегетического повествователя в художественных текстах. Научная новизна состоит в том, что впервые в отечественной нидерландистике сформулирован ряд объективных языковых и социокультурных ограничений на точное воспроизведение средствами русского языка социальной окраски речи нарраторов-персонажей в нидерландской литературе. Материалом послужили три произведения нидерландской литературы XIX в. (Мультатули. «Макс Хавелар»), XX в. (К. Верхейл. Дилогия «Вилла Бермонд» и «Соната “Буря”») и XXI в. (Ш. Кейпер. «Бред какой-то») и их современные русские переводы. Обнаружено, что в перечисленных произведениях социолингвистические маркеры даны преимущественно на лексическом и на синтаксическом уровне, причем при переводе первые вызывают значительно большие затруднения, чем вторые. Полученные результаты показали, что наиболее существенная социокультурная адаптация была необходима при работе с книгой в жанре young adult, где из-за различного отношения к обсценной лексике в нидерландском и русском обществе потребовалось смягчить речь повествователя-школьницы.

EN

The sociolinguistic aspect of authorial speech in literary texts and the problem of translation (from the experience of a philologist and translator of Dutch literature)

I. M. Mikhailova

Abstract. The research aims to identify the methods available to a Russian translator for conveying markers used by Dutch authors to construct the sociolinguistic characteristics of a homodiegetic narrator in literary texts. The scientific novelty lies in the fact that, for the first time in Russian Dutch studies, a series of objective linguistic and sociocultural constraints on the accurate reproduction of the social coloring of character-narrators' speech from Dutch literature into Russian has been formulated. The study is based on three works of Dutch literature from the 19th century (Multatuli's "Max Havelaar"), the 20th century (K. Verheul's diology "Villa Bermond" and "The Tempest Sonata"), and the 21st century (S. Kuyper's "Bizarre"), alongside their contemporary Russian translations. It was found that in these works, sociolinguistic markers are predominantly presented at the lexical and syntactic levels, with the former presenting significantly greater difficulties during translation than the latter. The findings demonstrated that the most substantial sociocultural adaptation was required for the young adult novel, where differing societal attitudes toward profanities in the Netherlands and Russia necessitated a "softening" of the schoolgirl narrator's speech.

Введение

В наше время связь переводоведения и социолингвистики все больше привлекает внимание исследователей. В XXI веке опубликовано множество книг и статей, посвященных различным социолингвистическим аспектам перевода. Важное место среди них занимает социокультурная проблематика (Тер-Минасова, 2000), целый ряд авторов исследуют на конкретном материале вопросы социокультурной адаптации как художественных (Епифанцева, Цепелева, 2022), так и нехудожественных текстов (Зубенина, 2015). Еще большее число

переводоведов рассматривают возможности передачи социально-окрашенной лексики – литературного просторечья (Передерий, Трофименко, 2025) и молодежного сленга (Вензель, 2016).

Наше исследование посвящено социолингвистическим аспектам перевода художественной литературы, а именно произведений, написанных от 1-го лица. В центре внимания – передача речи рассказчиков, одновременно являющихся персонажами, то есть гомодиегетических повествователей (Шмидт, 2008, с. 83), так как осознание социальных характеристик нарратора чрезвычайно важно для понимания авторского замысла.

Актуальность темы связана с возникшей в последние годы чрезмерной верой в безграничность возможностей искусственного интеллекта и перевода с помощью нейронной сети. Чтобы ответить на этот вызов мы ставим задачу выявить пока недоступные для ИИ тонкости литературного перевода: в данном случае – вскрыть разнонаправленные векторы приложения усилий переводчика, необходимых для передачи социолингвистической окраски художественного текста.

Задачи исследования состоят в том, чтобы: 1) раскрыть связь между социальными характеристиками рассказчиков и замыслом авторов; 2) выявить ряд важнейших маркеров, придающих соответствующую социолингвистическую окраску каждому из рассматриваемых текстов; 3) показать найденные переводчиками способы воспроизведения этих маркеров в тексте на переводящем языке; 4) обнаружить случаи утраты этих маркеров при переводе и попытки компенсации утрат; 5) проанализировать, связаны ли утраты с лингвистическими или социокультурными причинами.

В ходе исследования применялись следующие методы исследования: описательный метод для выявления характерных особенностей речи нарраторов в рассматриваемых произведениях, сопоставительный метод для сравнения оригинала и перевода с целью вскрыть сходства и расхождения в использовании языковых маркеров социальной принадлежности говорящих, метод анализа дефиниций как в одноязычных, так и в двуязычных словарях для уточнения нормативно-стилевых помет в статьях, посвященных социально окрашенной лексике.

Материалом исследования послужили три произведения нидерландской литературы XIX, XX и XXI вв., целиком или частично написанные от 1-го лица, а также их русские переводы, выполненные в XXI веке (с участием автора статьи).

Решение поставленных задач возможно благодаря теоретической базе, представленной трудами в области: теории перевода (Алексеева, 2012; Комиссаров, 1990; Швейцер, 1988); стилистики северогерманских языков и лексикографии (Берков, 2011), лингвокультурологии и лингвистики (Тер-Минасова, 2000; Беликов, Крысин, 2001).

Практическая значимость статьи состоит в возможности использования результатов исследования в преподавании теории и практики перевода и в курсе социолингвистики. Кроме того, изложенные в статье наблюдения и соображения могут быть полезны профессионалам-переводчикам в их повседневной работе.

Обсуждение и результаты

Точки пересечения социолингвистики и теории перевода были обозначены наиболее четко и полно, на наш взгляд, в работах А. Д. Швейцера. Так, в своей книге «Теория перевода» (1988) он пишет: «Среди социолингвистических проблем, имеющих прямое отношение к переводу, следует в первую очередь выделить такие, как “язык и социальная структура”, “язык и культура”, “язык и социология личности”. В соответствии с этим важно рассмотреть следующие три стороны перевода: а) перевод как отражение социального мира; б) перевод как социально детерминированный коммуникативный процесс; в) социальную норму перевода» (Швейцер, 1988, с. 15).

Из выделенных А. Д. Швейцером трех групп проблем мы остановимся в данном исследовании на первых двух: отражении социальной стратификации в языке художественной литературы и возможности воспроизвести эту стратификацию в переводе с учетом как лингвистических, так и социокультурных факторов. Третья группа проблем – норма перевода, которой руководствуется конкретный переводчик в конкретном социуме, – является, на наш взгляд, производной от второй и в меньшей мере требует отдельного рассмотрения.

Чтобы составить наиболее объемную картину социолингвистических проблем перевода для анализа было выбрано три написанных от 1-го лица произведения нидерландской литературы, совершенно различных по жанру и по времени написания: а) Multatuli. *Max Havelaar* (Мультатули. «Макс Хавелар», 1862), роман, во многом сатирический, середины XIX века; б) K. Verheul. *De Tutcheffs, een meerdelige familieroman* (К. Верхейл. «Тютчевы. Семейный роман в нескольких томах», 1992-2006), лирическая автобиографическая диалогия с элементами исторического романа, созданная в XX веке; в) Sj. Kuiper. *Bizar*. (Ш. Кейпер. «Бред какой-то», 2019), повесть в жанре young adult, полностью современная. В каждой книге выделим по 2-3 приема, с помощью которых авторы на протяжении всего повествования напоминают читателям о социальной принадлежности своего нарратора, и увидим, как решается стоящая перед переводчиком задача передачи этих приемов в русском тексте.

Социолингвистическая характеристика гомодиегетического повествователя – самодовольного буржуа Сухостебельса

Антиколониальный роман Мультатули во многом построен на контрасте между двумя персонажами: ярким искателем истины, борцом за справедливость по отношению к угнетаемому населению Нидерландской Индии, героем-одиночкой Максом Хавеларом и закостенелым, уверенным в своей непогрешимости биржевиком-торговцем кофейными зёрнами Батавусом Сухостебельсом (в оригинале Batavus Droogstoppel, дословный

перевод говорящей фамилии – «Сухая стерня»). Оба они по очереди выступают в роли рассказчиков. Задача Мультатули в главах, написанных от лица Сухостебельса, – показать примитивность этого представителя «хозяев жизни», ради благосостояния которых эксплуатируется население колоний. На протяжении сотен страниц Батавус Сухостебельс разглагольствует о своих незыблемых жизненных принципах, всячески осуждая своего бывшего одноклассника Хавелара – гуманиста, ставившего человеческое достоинство выше личного обогащения и оказавшегося в итоге в полной нищете. Чтобы подчеркнуть внутреннее убожество того социального слоя, к которому принадлежит Сухостебельс, автор делает из него «ненадежного рассказчика», используя нарочитые и надоедливые, а в итоге вызывающие смех повторы, как отдельных слов и выражений, так и определенных стилистических приемов. Назовем три типа повторов. На 150 страницах, написанных от лица Сухостебельса, каждый из этих приемов повторен примерно по 20 раз.

1. В центре всех помыслов Сухостебельса находится его бизнес, а ведь основа успешного бизнеса – это самореклама и установление выгодных связей. Поэтому всегда, когда заходит речь о его торговой фирме, Сухостебельс сообщает ее полное название и адрес, например:

(1) ... *dat zulk een huis - ik bedoel Last & Co, makelaars in koffi, Lauriergracht, No 37 – niet omzichtig genoeg wezen kon mei het engageeren van sujetten* (Multatuli, 1992, p. 8). /

... что такая фирма – я имею в виду «Балласт и Ко», кофейные брокеры, Лавровая наб., д. 37 – должна быть предельно осторожной, нанимая новых работников (Мультатули, 2023, с. 27).

2. Как человек примитивный, Сухостебельс не вполне владеет даром слова и потому регулярно допускает в своем тексте речевые ошибки: автор то и дело вкладывает в его уста двусмысленные формулировки, так что Сухостебельсу в следующей фразе приходится уточнять, что он имеет в виду:

(2) *Er is altyd iets stuitends in dat niet herkennen, maar omdat het nu wat minder koud is, en ik den vorigen keer myn jas met bont aanhad, schryf ik het dáaraan toe, en trek 't my niet aan... de beleediging, meen ik* (Multatuli, 1992, p. 229). /

Когда тебя не узнают, это всегда немного обидно, но так как уже потеплело, а в прошлый раз я был в зимнем пальто с меховым воротником, я объясняю ее забывчивость тем, что сейчас я в демисезонном пальто, и легко отбрасываю его... в смысле чувство обиды (Мультатули, 2023, с. 281).

Данный прием представляет собой вариант зевгмы: выражение *zich iets aantrekken* может означать «что-либо на себя надевать», а также «принимать что-либо близко к сердцу». В приведенном сложном предложении есть два существительных, которые могут быть прямым дополнением при сказуемом в последнем простом: *paltro* (*jas*) и *обида* (*beleediging*). Это порождает комический эффект: хочет ли сказать брокер, что он не надевает пальто, дабы не быть обиженным, или что он не переживает из-за неузнанности? Переводчик пошел по пути антонимического перевода, исключил эксплицитное отрицание и использовал глагол «отбрасывать», который тоже может сочетаться и с конкретным существительным «пальто», и с абстрактным «чувство обиды».

Во множестве случаев двусмысленность возникает из-за употребления местоимения, которое может отсылать к двум разным существительным. В таком случае переводчику легче передать авторскую игру, как в следующих двух примерах:

(3) *Toen ik trouwde ben ikzelf in den Haag geweest en heb met myn vrouw 't Mauritshuis bezocht. Ik ben daar in aanraking gekomen met alle standen van de maatschappij, want ik heb den Minister van Financiën zien voorbyryden, en we hebben samen flanel gekocht in de Veenestraat - ik en myn vrouw, meen ik...* (Multatuli, 1992, p. 200). /

После свадьбы я сам побывал в Гааге, и мы с женой посетили Маурицхёйс. Там я соприкоснулся со всеми слоями общества, потому что видел, как мимо проезжал министр финансов, и мы вместе покупали фланель на Вейнестрат, – в смысле, мы с женой... (Мультатули, 2023, с. 250).

(4) *(het) deed <...>me groot genoeg, te zien dat ik de zaken zoo goed beoordeeld had, en was ik zeer tevreden met myzelf. Ik ben hiervoor dan ook bekend by myn pilaar... dat ik altyd zoo juist oordeel, meen ik* (Multatuli, 1992, p. 232). /

...я очень обрадовался, так как лишний раз убедился, как я правильно во всем разобрался, и остался очень доволен собой. Этим я и известен на бирже – в смысле тем, что правильно во всем разбираюсь (Мультатули, 2023, с. 286).

3. Сухостебельс считает себя хранителем традиционных ценностей и не признает новых явлений в языке. Соответственно, он осуждает своего сына Фритса, использующего более современный язык, и сплошь да рядом вносит уточнения: «Фритс сказал бы так-то, но я-то говорю иначе». Речь может идти о произношении какого-то слова (*sjaal* или *shawl* «шарф, платок»), о синонимах (*sluis* или *brug* «каменный мост») или об образовании прошедшего времени глагола по сильному или по слабому типу (*woei* или *waaide* от глагола *waaien* «дуть»). Переводчики пытались подобрать какие-то синонимичные слова и обороты для передачи данного вида игры, но в найденных парах слов русский читатель, на наш взгляд, не ощущает борьбы старого и нового, как в следующих двух примерах с уже описанным варьированием:

(5) *Toen onlangs op de Prinsengracht myn hoed te-water woei – Frits zegt: waaide – ...* (Multatuli, 1992, p. 3). /

Недавно я гулял по набережной Принсенграхт, и ветром с меня сдуло шляпу (Фритс сказал бы «у меня унесло») ... (Мультатули, 2023, с. 21).

(6) *In-plaats van een behoorlyke winterjas, hing hem een soort van sjaal over den schouder – Frits zegt 'shawl' maar dit doe ik niet – alsof hy zoo van de reis kwam* (Multatuli, 1992, p. 9). /

Вместо теплого зимнего пальто на плечах у него было что-то вроде шали (Фритс использует слово «кашне», но я так не говорю), будто он только что откуда-то приехал (Мультатули, 2023, с. 27).

Таким образом, из трех нарочитых приемов, использованных автором для характеристики примитивного буржуа и создающих эффект ненадежного рассказчика, перевести удалось только два; третий же, чересчур тесно связанный с историей конкретных нидерландских слов и грамматических явлений, передать не удалось.

Социолингвистическая характеристика гомодиегетического повествователя – интеллигента-филолога

Второе из рассматриваемых произведений целиком написано от первого лица известным нидерландским филологом-славистом Кейсом Верхейлом (1940–2024). Оно состоит из автобиографических глав и глав, посвященных жизни Ф. И. Тютчева и его современников.

К. Верхейл так объяснил историю создания столь своеобразного по композиции произведения. В студенческие годы, изучая в Амстердамском университете русскую литературу, он, к своему удивлению, заметил портретное сходство между русским поэтом и своим дедушкой-голландцем. В ту же пору своей жизни К. Верхейл начал размышлять об ощущении собственной духовной причастности к миру поэзии Тютчева.

В результате в зрелом возрасте, когда автор взялся писать итоговую книгу своей жизни, у него сложилась общая идея цикла «Тютчевы. Семейный роман в нескольких частях». Главная мысль состоит в том, что «свойства человеческих отношений, движения человеческой души, взаимодействие между человеком и вечностью, переживание человеком смерти – все эти явления неизменные, не зависящие от пространства и времени, самодостаточные <...> Сюжетные линии практически не пересекаются, так что единство действия достигается за счет отрыва общих признаков от их конкретных носителей» (Михайлова, 1998, с. 23).

В статье «Теоретические подходы к исследованию интеллигенции как социальной группы» А. А. Скворцова пишет: «Важными признаками подлинного интеллигента являются высокая духовная культура, образованность и широкий кругозор, воспитанность и порядочность, гуманизм и активная гражданская позиция, критическое отношение к действительности» (2014, с. 30).

Перечисленные А. А. Скворцовой признаки интеллигента отчетливо прочитываются в романах К. Верхейла. Главы, посвященные Тютчеву, свидетельствуют о блестящем знании описываемой эпохи, быта и нравов России тютчевской поры. В текст вплетены десятки скрытых цитат из стихов Тютчева и разного типа намеков на Тютчевские тексты. Приведем два из множества стихов Тютчева, всплывающих в памяти при чтении текста Верхейла. Это происходит не только потому, что автор описывает русского поэта в те мгновения жизни, когда ему могли прийти на ум эти строки, но также из-за стилистической близости эксплицитного нидерландского текста и имплицитного русского:

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть!..
Зловещий блеск и пестрота дерев,
Багряных листьев томный, легкий шелест.
(Ф. И. Тютчев. «Есть в светлости осенних вечеров», 1830)

В этом волнении, в этом сиянье,
Весь, как во сне, я потерян стою –
О, как охотно бы в их обаянье
Всю потопил бы я душу свою...
(Ф. И. Тютчев. «Как хорошо ты, о море ночное...», 1865)

Главы, посвященные жизни семьи Верхейлов, автор пишет в том же ключе. Основывая роман на мысли об изоморфности внутреннего мира героев в обеих линиях повествования, он стремится и в стилистическом плане поднять жизнеописание семьи Верхейлов до уровня жизнеописания великого русского поэта. В целом текст романов «Вилла Бермонд» и «Соната “Буря”» гетерогенен с точки зрения действующих лиц и исторического периода, на фоне которого разворачиваются события. Но при этом он оставляет впечатление цельности: единство повествования создается за счет ракурса изображения (описание едва уловимых воспоминаний, тончайших оттенков чувств и движений души, эстетическая созерцательность, философские размышления о жизни и искусстве) и стиля повествования. Своеобразие стиля создается как на лексическом, так и на синтаксическом уровне.

На уровне слов больше всего бросается в глаза избыток абстрактных существительных, образованных как от прилагательных (Михайлова, 1998), так и от глаголов. Это одна из тех черт, которые роднят прозу Верхейла с приведенными выше стихами Тютчева. Рассмотрим два примера из автобиографических глав. В первом из них описывается атмосфера в его родном доме в 1942 или 1943 г. во время немецкой оккупации, когда по радио передают очередную речь Гитлера:

(7) *Maar ook al verraadt hun lichaam geen reactie op **het getier** dat onze hele kamer vult, ik voel **het ontbreken** van de normale veiligheid van **het bij elkaar zitten*** (Verheul, 2006, p. 143). /

(Досл.: «Но хотя их фигуры ничем не выражают их реакции на те **неистовые выкрики**, которые заполняют нашу комнату, я ощущаю **отсутствие** обычной безопасности **сидения рядом друг с другом**».)

*Но хотя фигуры родителей ничем не выражают их реакции на то **неистовство**, которое заполняет нашу комнату, я улавливаю, что, хотя мы все вместе, обычного чувства безопасности нет* (Верхейл, 2010, с. 147).

Из трех субстантивированных инфинитивов, использованных в ИТ, только один удалось передать соответствующим абстрактным существительным, и то не отглагольным.

(8) *Aan de authentieke kern van **het bovenstaande** twijfel ik nog steeds niet, daarvoor zijn de indrukken en mijn emotie van gemis te sterk. Maar dat dit **het allereerste** zou zijn dat ik me herinner? Alsof ik niet willekeurig twee, drie andere prehistorische*

beelden naar boven zou kunnen halen - scènes uit het overgangsgebied tussen pure zinnelijkheid en beginnend realiteitsbesef van voor je vierde (Verheul, 2006, p. 143). /

(Досл.: В подлинном ядре вышеописанного я и теперь не сомневаюсь, слишком уж сильны те впечатления и моя эмоция утраты. Но самое ли это первое, что я помню? Как будто я не могу произвольно извлечь из памяти еще две-три доисторические картинки – сцены из пограничной области между чистой чувственностью и начинающимся сознанием реальности в конце четвертого года жизни.)

В подлинности этого ощущения я и теперь не сомневаюсь, слишком уж сильно то впечатление страха и чувство покинутости. Но самое ли это первое, что я помню? Как будто я не могу извлечь из памяти еще две-три доисторические картинки – сцены из пограничной области между **чисто-чувственным существованием** и началом **осознания реальности** в конце четвертого года жизни (Верхейл, 2010, с. 147).

При переводе данного предложения нам лучше удалось сохранить специфический стиль фразы на исходном языке, избоблюющей субстантивированными прилагательными и числительными, а невозможность сохранить некоторые из них («вышеописанное» и «чувственность») – компенсировать добавлением других абстрактных существительных («подлинность» и «покинутость»).

Синтаксис. Своеобразие синтаксиса авторского текста подчинено той же идее: подчеркнуть единство духовной жизни героев, показать всеобщую связь времен и событий, представить события не как действия, разворачивающиеся во времени, а как одновременно сосуществующие нити в богатом ковре бытия. В следующем фрагменте автор рассуждает по поводу смутного детского воспоминания середины 1940-х годов о том, как по их городку шла колонна людей, говоривших на непонятном языке, возможно, русских:

(9) *Jaren lang heb ik betwijfeld of de mannen die ik <...> voorbij ons huis zag sjokken inderdaad Russen waren geweest. Ik noemde ze achteraf bij mezelf Russen. Ook Cees, opgegroeid in een ander deel van dezelfde stad zodat het plezier van ons samenleven altijd ondermeer bestaan heeft in het soms kibbelend maar meestal opgewekt aan elkaar passen van onze oudste herinneringen, weet dat hij ze zelf heeft gezien* (Verheul, 2006, p. 174). /

Я много лет сомневался в том, что люди, которые <...> брели мимо нашего дома <...>, действительно были русскими. Про себя я всегда их так называл. Да и Кейс, выросший на другом краю того же города, так что в число приятных составляющих нашей совместной жизни всегда входила возможность сверять, иногда препираясь из-за деталей, но обычно к взаимной радости, наши самые ранние воспоминания, – и Кейс уверяет, что тоже их видел (Верхейл, 2010, p. 234).

В последнее сложное предложение в данном фрагменте вплетен рассказ о семи действиях (Кейс вырос; «я» с ним длительно общался; мы сверяли воспоминания; мы препирались; мы радовались; он уверяет; он видел). Во времени эти события распределены по 50 годам жизни, с середины 40-х до середины 90-х, однако автору важно обозреть их все разом и упомянуть о них в придаточных предложениях, подчиненных короткому главному: «Да и Кейс уверяет».

Таким образом, язык повествования в диалогии К. Верхейла подчеркивает развитое абстрактное мышление рассказчика, его образованность и широкий кругозор – то есть черты, характерные для интеллигента. Большую часть специфических особенностей авторской речи удастся сохранить в переводе, а в случае несовпадения словообразовательных ресурсов нидерландского и русского языка – компенсировать за счет добавления в текст абстрактных существительных в других частях фразы.

Социолингвистическая характеристика гомодиегетического нарратора – современной тринадцатилетней школьницы

Третья рассматриваемая книга (Ш. Кейпер «Бред какой-то») принадлежит к жанру young adult и, соответственно, адресована подросткам. «Значимость литературы young adult не вызывает сомнений. Она помогает подросткам ориентироваться в окружающей обстановке, расширяет их горизонты знаний о мире и происходящих процессах, помогает усвоить образцы правильного поведения, развивает фантазию, воспитывает человечность, учит справляться с трудностями» (Бармина, Мороз, Скидан, 2022, с. 307), – пишут авторы статьи о переводе книг для подростков с английского. Проблематика перевода произведений данного жанра в последние годы привлекает все большее внимание отечественных переводоведов, так как переводчик, создающий переложение иностранного текста для русских подростков, должен пройти между Сциллой и Харибдой. С одной стороны, итоговый текст должен быть честным и правдивым, ибо если максималист-подросток почувствует в книге фальшь, то не воспримет заложенный в ней гуманистический месседж. С другой стороны, он должен полностью соответствовать российскому законодательству (а именно Федеральному закону № 436 от 29.12.2010) и в достаточной мере отвечать ожиданиям родителей, привыкших видеть в книгах весьма приглаженную реальность.

«Прагматическая адаптация текстов жанра young adult обусловлена не только разницей в строе языков, она требует учета норм, принятых для определенной возрастной категории в принимающей культуре, а также социальных, психологических, культурных различий между получателями текста оригинала и перевода. Перевод не должен стать преградой для создания в принимающем языке текста с аналогичным эмоционально-экспрессивным воздействием, в котором будут сохранены все заложенные автором сообщения и прагматический потенциал» (Бармина, Мороз, Скидан, 2022, с. 309).

О различии норм, принятых для определенной возрастной категории в нидерландской и русской культуре, говорит разительное несовпадение в возрастной маркировке многих подростковых книг. Например,

книга Бенни Линделауфа «Большие истории для маленького солдата» (русский перевод: М.: Самокат, 2024) в Нидерландах адресована детям 12-15 лет, а в России имеет маркировку 16+. То же самое наблюдается и в случае рассматриваемой в данной статье повести «Бред какой-то», в Нидерландах рекомендованной для детей с 12 лет, а в Российской Федерации – 16+.

Книга «Бред какой-то» написана от лица «трудного ребенка» – тринадцатилетней Салли Мо, не имеющей друзей-подружек и живущей в мире книг. Единственный человек, с кем она по-настоящему общалась, был ее дедушка, но он умер. Салли Мо проходит курс у психотерапевта, который дает ей задание на время летних каникул в кемпинге отложить книги и обратиться к реальному миру. И девочка решает сама написать «самую лучшую на свете» книгу о том, что происходит с ней в кемпинге.

Синтаксис. Детскость и неопытность рассказчика проявляется в первую очередь в синтаксисе. Построение предложений напоминает школьное сочинение, в котором юный автор начинает писать фразу, не продумав ее до конца, нанизывая мысли одну на другую, как бусины на нитку, чаще всего соединяя их сочинительным союзом «и» (нид. en):

(10) *Ik dacht aan die keer, een paar jaar geleden, dat ik hier op de camping was en het regende zacht en iedereen zat in zijn tent of in de kantine of was naar het juttersmuseum en ik zat alleen aan de rand van het zwembad en er dwarrelde een blad van een boom en dat landde op het water* (Kuiper, 2019, p. 10). /

И я вспомнила. Как несколько лет назад мы были здесь в кемпинге, и шел дождь, и все сидели по палаткам или были в столовой, или пошли в музей вынесенных морем сокровищ, а я сидела одна на краю бассейна, и тут с дерева слетел листок и, кружась, приземлился на воду (Кейпер, 2021, с. 11).

В русском переводе прием нанизывания коротких однородных придаточных изъяснительных усугублен постановкой точки после главного «и я вспомнила», что создает еще больший эффект линейного движения мысли.

Такой же эффект возникает в случае многократного повторения союза *dat* «что» в сложных предложениях с многоступенчатым последовательным и параллельным подчинением:

(11) *...maar het kwam erop neer dat dokter Bloem vindt dat de waarheid eigenlijk flauwekul is en dat ik juist vind dat je altijd naar de waarheid moet zoeken, dat dat het hoogste is in het leven* (Kuiper, 2019, p. 11).

(Досл.: ...но дело сводится к тому, что доктор Блум считает, что правда – это полная чушь, и что я считаю, что до правды, наоборот, надо доискиваться изо всех сил, что это самое высшее в жизни.)

В переводе оказалось невозможно полностью сохранить синтаксис нидерландского предложения из-за различия в строе рассматриваемых языков: семантику подчинительной связи нидерландского предложения часто оказывается естественным передавать сочинительной связью:

...но дело сводится вот к чему: доктор Блум считает, что правда – это полная чушь, а я считаю, что до правды, наоборот, надо доискиваться изо всех сил, ведь это высшее, что есть в жизни (Кейпер, 2021, с. 12).

В русском предложении три раза повторенный союз «что» производит такое же впечатление «неуклюжести», как пятикратное *dat* в нидерландском.

Ощущение естественной устной речи возникает также при повторе того или иного члена предложения, в данном случае – подлежащего и обстоятельства образа действия:

(12) *En toen moesten we lachen, dokter Bloem en ik, niet hard, absoluut niet hard, meer als twee blaadjes die precies goed naast elkaar op het water van een zwembad vallen. In de regen* (Kuiper, 2019, p. 10). /

И тут мы с доктором Блумом – мы оба рассмеялись. Не громко. Ни капельки не громко. Скорее как два листка, которые падают рядышком, прямо как надо, на поверхность бассейна. Под дождем (Кейпер, 2021, с. 12).

Молодежный жаргон. Разумеется, Салли Мо употребляет множество слов и словосочетаний из нидерландского молодежного жаргона, для передачи которых переводчикам приходилось искать слова из разговорной устной речи, еще не попавшие в словари или имеющие в словарях пометы «разг.» или «сленг». Например:

(13) *Donnie heeft een journalist in elkaar geramd. En goed ook. Ik stond erbij en keek ernaar. Ik kon niks doen. Ja, schreeuwen van stop hou op, maar dat zag Donnie meer als een aanmoediging* (Kuiper, 2019, p. 149). /

Донни **навалял** одному журналисту. **По полной программе**. Я просто стояла и смотрела. А что я могла сделать? Ну да, кричать «хватит», но Донни это только бы раззадорило (Кейпер, 2021, с. 179).

(14) *Ik mis opa David enorm, echt bizar* (Kuiper, 2019, p. 33). /

Мне безумно не хватает дедушки, **просто жесть**, как сильно (Кейпер, 2021, с. 41).

При передаче молодежного жаргона большую помощь переводчикам оказали литературные редакторы издательства «Самокат», имеющие богатый опыт редактировании книг для подростков.

Общенная лексика. «Я часто ругаюсь, это у нас в крови. В нашей семье все матерщинники. Это не мешает долголетию. Дедушка Давид умер в девяносто два года. У нас в роду народ крепкий!» (Кейпер, 2021, с. 19), – так рассказывает о себе главная героиня в самом начале книги. Соответственно, на протяжении всей книги в речи рассказчицы нередко встречается общенная лексика. В одном из интервью Шурд Кейпер объяснял свой выбор в пользу использования данного языкового пласта стремлением к реализму, к правдивому воспроизведению речи современных нидерландских школьников. Разумеется, при переводе на русский используемые Салли Мо ругательства приходилось смягчать, как в следующем предложении:

(15) *Had ik moeten zeggen dat hij een **klootzak** is, omdat hij weer een heel jaar niets van zich heeft laten horen?* (Kuiper, 2019, p. 12). /

Или я должна была сказать, что он **поганец**, потому что год не подавал признаков жизни? (Кейпер, 2021, с. 14-15).

С вопросом о передаче общенной лексики в переводах тесно связан вопрос об ее включении в словари. Поскольку словари, как толковые, так и двуязычные, всегда были и остаются наиболее надежным и авторитетным источником знаний о значении слов, важно, чтобы переводчик имел возможность получить из них адекватную

информацию обо всех лексических единицах, встретившихся ему в тексте оригинала, и принимал решение об их социокультурной адаптации в итоговом переводе на основе почерпнутых из словаря знаний. Крупнейший советский и российский теоретик в области двуязычной лексикографии В. П. Берков настаивал на необходимости включать табуированные слова в словарь и сопровождать их стилистической пометой «табу», так как без этого «пассивный пользователь двуязычного словаря лишен возможности узнать значение таких лексем (и при необходимости адекватно перевести их на родной язык)» (2011, с. 513). Чтобы пользователь словаря осознавал реальную меру табуированности той или иной лексемы, в составленном В. П. Берковым Большом русско-норвежском словаре 2008 года «помета *tabu* нередко усиливается одним, двумя и даже тремя восклицательными знаками – в зависимости от степени “неприличности”» (2011, с. 514).

Таким образом, при переводе речи нарратора-подростка сохранение синтаксических маркеров молодости и неопытности рассказчика составляет наименьшую трудность. Воспроизведение молодежного жаргона для взрослого переводчика сложнее, поскольку этот пласт лексики отличается большой подвижностью, так что следить за модными среди сегодняшней молодежи новообразованиями русского языка успевают только профессионалы. И, наконец, для оптимальной передачи обценной лексики переводчик, с одной стороны, должен осознавать в процессе работы меру табуированности встретившихся ему в оригинале слов и выражений, но, с другой стороны, обязан производить социокультурную адаптацию.

Заключение

Итак, на примере трех переводов с нидерландского языка мы рассмотрели пути решения важной задачи переводчика художественной литературы – выявить маркеры социолингвистической окраски авторской речи в исходном тексте и затем, используя свои профессиональные знания и креативность, как можно точнее воспроизвести их в переводе. При этом переводчик неизбежно сталкивается с рядом непреодолимых препятствий, часть которых определяется лингвистическими, а часть социокультурными факторами. Примером первых служит невозможность передать широко используемый в романе «Макс Хавелар» прием обыгрывания устаревших и новых слов в нидерландском языке, применяемый Мультиатули с целью показать косность рассказчика. Лингвистическими факторами вызвана также необходимость заменять часть абстрактных существительных в диалогии Верхейла соответствующими прилагательными и глаголами, что в некоторой мере ослабляет философский подтекст повествования.

Примером действия социокультурных факторов служит необходимость существенного смягчения речи повествователя-школьницы в книге «Бред какой-то», вызванная различным отношением к обценной лексике в исходной культуре и в принимающей культуре. Если нидерландская социокультурная среда считает возможным прямое воспроизведение речи современных подростков, изобилующей ругательствами, то для русской культуры недопустимо осквернение слуха читателя табуированной ненормативной лексикой, использование которой в книгах для детей и юношества запрещено законом.

Таким образом, для достижения цели своей деятельности – обогащения родной культуры знакомством с достижениями иностранных литератур – переводчик обязан учитывать социолингвистические аспекты перевода, прилагая усилия в двух противоположных направлениях: стремясь максимально сохранить социальные маркеры речи персонажей-рассказчиков и производя социокультурную адаптацию к нормам принимающей культуры.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать выявление социальной нормы (по А. Д. Швейцеру) и индивидуальных стратегий нескольких русских переводчиков при передаче социолингвистических маркеров речи нарраторов и персонажей нидерландской художественной литературы.

Материалы исследования | Research materials

1. Верхейл К. Вилла Бермонд / авторизованный пер. с нидер. И. Михайловой. СПб., 2000.
2. Верхейл К. Соната «Буря» / авторизованный пер. с нидер. И. Михайловой. СПб., 2010.
3. Кейпер Ш. Бред какой-то / пер. с нидер. И. Лейченко, И. Михайловой. М.: Самокат, 2021.
4. Мультиатули. Макс Хавелар, или Кофейные аукционы Нидерландского торгового общества / пер. с нидер. Е. Векшиной, Е. Торицыной, И. Бассиной, И. Михайловой. СПб.: Symposium, 2023.
5. Kuiper S. J. Bizar. Hoorn: Hoogland & Van Klaveren, 2019.
6. Multatuli. Max Havelaar of de koffiveilingen der Nederlandsche Handelmaatschappij / ed. A. Kets. Assen – Maastricht: Van Gorcum, 1992.
7. Verheul K. Villa Bermond, het eerste deel van De Tutcheffs, een meerdelige familieroman. Amsterdam: Uitg. Van Oorschot, 1992.
8. Verheul K. Stormsonate, het tweede deel van De Tutcheffs, een meerdelige familieroman. Amsterdam: Uitg. Van Oorschot, 2006.

Источники | References

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. Изд-е 6-е, стр. М.: Academia, 2012.
2. Бармина Е. А., Мороз Ю. А., Скидан О. Г. Адаптация текстов жанра young adult как средство актуализации их прагматического потенциала при переводе // Мир науки, культуры, образования. 2022. Т. 96. Вып. 5. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-596-306-309>

3. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. М.: Издательство РГГУ, 2021.
4. Берков В. П. Работы по языкознанию. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011.
5. Вензель А. Е. Способы перевода молодежного сленга современного английского языка на примере аббревиатур и сокращений // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 1.
6. Епифанцева Н. Г., Цепелева А. Н. Сопоставительный анализ перевода социокультурного компонента английского художественного текста на русский язык (на примере романа Ch. P. Snow "Corridors of Power") // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 7. <https://doi.org/10.30853/phil20220388>
7. Зубенина М. А. Прагматическая и социокультурная адаптация при переводе текстов // Человек в мире культуры. 2015. Вып. 3.
8. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990.
9. Михайлова И. М. О способах перевода на русский язык нидерландских субстантивированных прилагательных и отаждективных существительных // Материалы XXVII Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов, Санкт-Петербург, 16-22 марта 1998 г. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1998. Вып. 4.
10. Передерий С. Н., Трофименко А. А. Особенности перевода просторечной лексики сказки в стихах Л. А. Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца» на английский язык // Мир науки, культуры образования. 2025. № 1 (110).
11. Скворцова А. А. Теоретические подходы к исследованию интеллигенции как социальной группы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2014. Т. 14. Вып. 4.
12. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000.
13. Швейцер А. Д. Теория перевода (статусы, проблемы, аспекты). М.: Наука, 1988.
14. Шмидт В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008.

Информация об авторах | Author information

Михайлова Ирина Михайловна¹, д. филол. н., доц.
¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Irina Mikhailovna Mikhailova¹, Dr
¹ St. Petersburg State University

¹ i.mikhailova@spbu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.02.2026; опубликовано online (published online): 27.02.2026.

Ключевые слова (keywords): социоллингвистические маркеры; социокультурная адаптация; нидерландская литература; гомодиегетическое повествование; обсценная лексика; sociolinguistic markers; sociocultural adaptation; Dutch literature; homodiegetic narration; profanities.